

Х Р О Н И К А

За передовую советскую археологию Прибалтики

С 10 по 14 мая 1949 г. в Ленинграде проходила сессия, посвященная изучению археологии Прибалтики, организованная ИИМК АН СССР.

В сессии принимали участие археологи Москвы, Ленинграда, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Впервые археологи братских прибалтийских республик встретились для совместной работы со своими московскими и ленинградскими товарищами в стенах ведущего археологического учреждения — ИИМК АН СССР.

Пленум открыл директор ИИМК чл.-корр. АН СССР А. Д. У д а л ь ц о в, который, приветствуя прибалтийских археологов, подчеркнул важность изучения прибалтийской археологии и пересмотра ее с точки зрения марксистско-ленинской науки. В своем содержательном докладе зам. директора ИИМК проф. А. П. О к л а д н и к о в охарактеризовал деятельность и передовое, революционное учение основателя советской археологии — акад. Н. Я. Марра. Проф. П. П. Т р е т ь я к о в в обстоятельном докладе «Вопросы этногенеза славян» ознакомил прибалтийских гостей с крупнейшими достижениями археологов ИИМК в области изучения славянского этногенеза.

С большим содержательным докладом «Основные задачи археологического изучения Прибалтики» выступил крупнейший прибалтийский археолог проф. Х. А. М о о р а (Эстония). Докладчик отметил, что перед археологами прибалтийских республик стоят две основные задачи: 1) критически проверить результаты работ буржуазных археологов и пересмотреть всю археологию Прибалтики на основе марксистско-ленинской методологии; 2) согласовать научно-исследовательские планы работ по археологии Прибалтики со всесоюзными планами, в частности с планами работ, проводимых на территориях смежных республик. Целью согласования работ является: а) выдвижение проблем, имеющих не только местный, но и более широкий научный интерес; б) организация совместных экспедиционных и научно-исследовательских работ; в) координация и взаимная связь археологической работы в прибалтийских республиках с работой ИИМК. Кроме того, Х. А. Моора поставил перед участниками сессии ряд конкретных проблем по истории материальной культуры Прибалтики в различные периоды от мезолита до позднего средневековья.

Ф. Д. Г у р е в и ч (ИИМК, Ленинград) в докладе «Древнейшие памятники юго-восточной Прибалтики и задачи их изучения» подвергла критическому пересмотру всю археологическую литературу, относящуюся к юго-восточной Прибалтике, а также наметила основные задачи археологического исследования в этом районе.

Эстонский археолог А. К. В а с а р выступил с интересным докладом «Славяно-эстонские отношения в VI—XII вв.». Докладчик убедительно доказал, что уже с V—VI вв. между славянами и эстами устанавливаются интенсивные устойчивые и мирные связи, свидетельством которых для периода родового строя (V—IX вв.) является нахождение в Эстонии привозных славянских изделий, а также переход южноэстонских племен к новому способу погребения — к длинным курганам, характерным для ранних славян. В период образования и расцвета Киевского государства славяно-эстонские отношения становятся еще более тесными. Блестящая материальная культура Киевской Руси оказала сильное влияние на эстов, которые позаимствовали у русских много новых орудий труда: соха, серп нового типа, гончарный круг и т. д. Русское влияние

прослеживается и в изготовлении серебряных изделий, в военном деле, в обрядах погребения, в торговле и т. п. Теснее всего эсты были связаны со славянским племенем кривичей, а позднее — с новгородскими славянами и, через посредников, с вятичами и дреговичами. В VI—XII вв. основным внешним фактором, содействовавшим социально-экономическому развитию восточной Эстонии, были основанные на взаимных экономических потребностях тесные и постоянные связи с Русью.

Следует отметить, что т. Вассар по-новому осветил интереснейшие вопросы славяно-эстонских отношений и солидно аргументировал основные положения доклада.

Э. Д. Шноре (Рига) прочла обобщающий доклад на тему «Итоги исследования латгальских памятников в эпоху железа». Впервые археологические исследования в Латвии были поставлены на научную основу после X Всероссийского археологического съезда, состоявшегося в Риге в 1896 г. Институт истории и материальной культуры АН Латвийской ССР включил в свой план малоразработанные и важнейшие проблемы изучения этногенеза латвийского народа и связей его со славянами. Непрерывность развития материальной культуры у латгальских племен прослеживается с III в. н. э. Основой экономики латгальцев в железном веке были земледелие и скотоводство, при быстро развивающемся ремесле. Особенно тесные торговые отношения латгальцев со славянами начинаются в XI в. Важнейшими путями сообщения служили реки Даугава и Гауя, а также сухопутный торговый путь в Псков. Влияние славянской материальной культуры прослеживается по ряду предметов древнерусского ремесла, найденных в Латгалии, в заимствовании обряда погребения у славян (трупосожжения, погребения в курганах) и т. д.

П. З. Куликаускас (Вильнюс) сделал обзорный доклад «Исследование литовских археологических памятников». Докладчик отметил, что за последние годы исследование археологических памятников Литвы ограничивалось раскопками разрушающихся древних литовских могильников и курганов, и охарактеризовал значение исследованных памятников, дающих яркое представление о материальной культуре Литвы со времен мезолита. Даже эти отдельные раскопки позволили опровергнуть ряд неверных представлений буржуазных археологов, как, например, мнение о том, что обряд трупосожжения появился в Литве в X в. под влиянием викингов, так как раскопки, например, могильника в Лайвей, вскрыли трупосожжения, четко датированные VIII в. Начавшиеся в самое последнее время планомерные археологические исследования (например археологическая разведка в Йемайтиги, осуществленная в 1948 г. Институтом истории Литвы АН Литовской ССР совместно с ИИМК) обогащают музейные коллекции и дают новые материалы, позволяющие приступить к исследованию вопросов литовского этногенеза и взаимоотношений литовских и славянских племен, а также истории материальной культуры на территории Литвы. —

Дальнейшие заседания предполагалось проводить одновременно по нескольким секциям: секции эпохи камня и бронзы, секции эпохи железа и секции средневековой Прибалтики. Однако ввиду того, что участники сессии выразили желание выслушать все доклады, в дальнейшем все заседания проходили как пленарные с тематическим разделением на секции. Первыми были заслушаны доклады по секции каменного и бронзового веков.

Проф. А. Я. Брюсов (ИИМК, Москва) в докладе «Торфяные стоянки СССР и их значение» познакомил участников сессии с достижениями ИИМК по исследованию торфяных стоянок. Это исследование имеет особенно важное значение вследствие хорошей сохранности в торфе органических остатков, дающих полное представление о бытовом инвентаре населения. Раскопки торфяных стоянок дают возможность уточнить хронологию бронзового века и неолита для всей территории СССР, разрешить вопрос о древности земледелия на севере и о характере и приемах древнего домостроительства. Важный вопрос о путях заселения севера европейской части СССР, в частности Прибалтики, также может быть разрешен на основании исследований торфяных стоянок, причем проведенные уже исследования дают основание считать, что это заселение в последнюю эпоху шло с востока.

Доклад Р. Яблонските (Каунас) «Мезолит в Литве» был посвящен харак-

теристике памятников материальной культуры этого периода. Древнейшие мезолитические изделия на территории Литвы относятся к свидерской культуре, но представляют собой ее локальный вариант, отличный от свидерских стоянок в Польше. Типичных культур западной Европы — тарденуазской, маглемозской, кампинийской — в Литве не было, а имело место лишь более или менее значительное влияние их на местные, своеобразные культуры. Тарденуазские изделия не образовали в Литве особой культуры, вошли частично в местную свидерскую культуру, а в большинстве принадлежат уже к эпохе неолита. Кампинийской и маглемозской культур в Литве не было совсем. Крупнорубящие кремневые орудия развивались на месте из мезолитических орудий. Большинство орудий кампинийского типа в Литве принадлежит к раннему неолиту. В Литве образовался особый вариант мезолита.

Л. Ю. Янитс (Тарту) прочел доклад «Поздненеолитические могильники в Эстонии». Древнейшие могильники, известные в Эстонии, относятся к концу эпохи неолита. Погребения — обычно скорченные, на боку и расположены в грунтовых могильниках, на возвышенных местах, среди подомов и лугов. В могильном инвентаре редко встречается керамика. Обычный его состав — костяные и каменные изделия; из последних характерен каменный ладьевидный боевой топор, первый специальный вид оружия на территории Эстонии. Пока известно 23 могильника этого периода они датируются временем от конца неолита до начала бронзового века. Поселения, одновременные могильникам, еще не обнаружены, но расположение могильников и их инвентарь (в частности, кости коз, овец и свиней) позволяют говорить об их принадлежности к небольшим патриархально-родовым общинам, переходящим к скотоводству. Особенный интерес представляет изучение взаимоотношений поздненеолитических могильников Эстонии, Литвы и Латвии с фатьяновской культурой, как более или менее одновременных и стадийно выражающих одинаковую ступень развития.

Большой интерес вызвал доклад Л. Х. Веллсте (Тарту) на тему «Использование фосфатного анализа для установления древних поселений». В местах более или менее продолжительного поселения людей, в связи с накоплением всяческих отходов и остатков в почве, образуются значительные соединения фосфора. Количество фосфата в культурных слоях в десятки раз превышает количество его в обычной почве, а стойкость и слабое растворение фосфатов обеспечивают сохранность их в почве в течение тысячелетий. Лаборатория Института истории АН Эстонской ССР путем анализа почвы на содержание фосфата установила местонахождение ряда древних поселений (неолитической стоянки на р. Выханду и др.). Этот способ вполне эффективен и значительно менее трудоемок, чем производство раскопок и шурфов.

Большое количество докладов было прочитано по секции железа. Л. Ваикниа (Рига) прочла доклад «Археологические памятники I тысячелетия до н. э. в Латвии». Скучность известных в прошлом археологических находок породила неверное мнение буржуазных археологов о слабой заселенности и упадке культуры на территории Латвии во второй половине I тысячелетия до н. э. Многочисленные археологические исследования, предпринятые в последние годы, опровергли это ошибочное мнение, свидетельствуя о непрерывном развитии хозяйственно-общественной жизни на протяжении всего I тысячелетия до н. э. Могильники этого периода делятся на три основные категории: курганные могильники, с трупосожжениями в каменных ящиках, находящиеся к северу от Даугавы и свидетельствующие о связи с северными областями; грунтовые могильники с ящиковидными каменными сооружениями, к югу от Даугавы, и курганы с трупосожжениями в урнах в юго-западной части Латвии, свидетельствующие о связях с культурой древних обитателей юго-восточной Прибалтики. Следы первобытных поселений в Земгале и Аугшземе, обнаруженные вблизи древних могильников, по характеру материальной культуры, в частности керамики, сходны с материальной культурой восточной Литвы и Белоруссии, а также с нижними слоями латвийских городищ. Древние латвийские городища относятся к этому периоду и помещаются вблизи луговых пастбищ. Инвентарь погребений, особенно кости собак, коров и свиней, свидетельствует о господстве патриархально-родовых отношений. Характере

недостаток металла. Особенности и формы памятников материальной культуры позволяют видеть в населении, жившем к северу от Даугавы, отдаленных предков финских племен, а к югу — балтийских.

С. А. Т а р а к а н о в а (ИИМК, Москва) посвятила свой доклад, основанный на критическом пересмотре литературы вопроса и на собственных раскопках в Псковской области, вопросу о датировке длинных курганов. Она доказала, что все длинные курганы, являвшиеся коллективными усыпальницами, насыпались в одно время, а не увеличивались постепенно, как это считал Спичин. Детальный анализ погребального инвентаря позволил изменить принятую в литературе датировку и определять длинные курганы временем от III—IV до V—VI вв. н. э. Четко прослеживаемая связь между длинными, удлиненными и круглыми кривическими курганами позволяет считать длинные курганы славянскими памятниками. Несмотря на недостаточную аргументацию отдельных положений, доклад С. А. Таракановой представляет большой интерес и является шагом вперед в изучении вопросов славянского этногенеза.

М. Х. Ш м и д е х е л ь м (Тарту) сделал доклад на тему «Ранний железный век северо-восточной Эстонии». Для конца бронзового и начала раннего железного веков в Эстонии характерны каменные курганы с ящиками, расположенные по краям луговых долин рек и береговых террас и свидетельствующие о родовом строе оседлых с котоводов. С ними связаны сходным инвентарем и другими особенностями более поздние виды могильников — в рядовых каменных оградах, возникновение которых относится к I в. н. э., а расцвет — к II—V вв. н. э. Особенности инвентаря и расположение этих могильников среди плодородных лесных массивов позволяют утверждать, что в начале I тысячелетия н. э. скотоводство уступило преобладающую роль подсечному земледелию, а коллективные погребения свидетельствуют о развитии патриархальных семейных общин. Этот период характерен также возникновением ряда племенных групп, прогрессом производительных сил, обмена и торговли, показателем которых является нахождение в северо-восточной Эстонии привозных вещей из Приднепровья и римских провинций.

Доклад Э. Б р и в к а л н е (Рига) был посвящен городищам Латвийской ССР и задачам их исследования. Городища Латвийской ССР являются основными для ее территории памятниками материальной культуры. Они известны со времен бронзового века, с начала I тысячелетия до н. э., и до XIII в. н. э. Укрепления городищ в основном были срубными, но кое-где устанавливались частоколы или заборы из стоячих бревен и сучьев. Жилища строились как срубы или из вертикально стоящих бревен и состояли, чаще всего, из одного помещения, реже из двух, иногда с погребом под ними. Культурные слои городищ свидетельствуют о наличии земледелия, скотоводства, ремесла, торговли, рыболовства и охоты. Для правильной оценки найденных при раскопках материалов раскопки городищ необходимо проводить одновременно с раскопками близлежащих могильников и селищ.

П. Ф. Т а р а с е н к о (Жаунас) прочел доклад «Пилкальнисы (городища) Литвы». Характерными особенностями городищ Литвы являются небольшие размеры городищ, сильная насыщенность культурного слоя золой, очажной смесью и вещевым инвентарем — целыми и ценными бытовыми предметами и украшениями. Литовские городища относятся к бронзовому, раннему и среднему железному векам. Некоторые городища (Покачинское и Возгельмское) очень близки по материальной культуре к городищам дьяковской культуры. Их обрядовое назначение связано с анимистическо-политеистическими верованиями, а последующие небольшие городища, с куполообразной вершиной и натуральные «священные» места и холмы (алкальнисы) связаны с дальнейшим развитием политеистических верований, имевших свои корни в общественном развитии литовских племен.

Интереснейшие городища Литвы подробно охарактеризованы докладчиком. Однако вряд ли правомерно все их относить к обрядовым. Этому утверждению докладчика противоречит насыщенность культурного слоя бытовыми предметами, массовой керамикой и орудиями труда, свидетельствующими о том, что, по крайней мере частично, эти городища были местами поселений, а не обрядовыми.

Р. К. Куликаускайене (Вильнюс) посвятила свой доклад обрядам погребения в Литве в IX—XIII вв. Эти погребения были подвергнуты систематическому исследованию в последние годы. В восточной Литве в IX—XIII вв. существовали только курганные могильники, обычно с трупосожжениями и лишь изредка с трупоположениями, в центральной и западной Литве — только грунтовые могильники с решительным преобладанием трупоположений. Со второй половины рассматриваемого периода трупосожжения в средней и западной Литве начинают преобладать над трупоположениями и к концу этого периода господствуют. В средней Литве встречены погребения коней в тех же могильниках, где были погребены всадники, и отдельно. Это свидетельствует о выделении в позднем железном веке сословия воинов-всадников. Анализ погребального инвентаря приводит к выводу, что грунтовые могильники средней и западной Литвы этнически принадлежат жемайте (жмуди), курганы восточной Литвы — аукстотам, т. е. славянам. Трупосожжение в Литве распространялось из восточной Литвы в среднюю и западную, что опровергает положение буржуазных археологов о том, что трупосожжения были, якобы, занесены в Литву норманнами. Вытеснение трупоположений трупосожжениями отразило процесс объединения аукстотов с жемайтами, приведший в XIII в. к образованию Литовского государства.

Л. Р. Метсар (Тарту) прочел доклад «Остров Саарема (Эзель) в XI—XII вв.».

На секции средневековой Прибалтики было заслушано четыре доклада: Г. Б. Федорова (ИИМК, Москва) «Топография кладов с литовскими слитками и монетами»; П. А. Рапопорт (ИИМК, Ленинград) «Из истории Гродно в XIII—XIV вв.»; М. Вилсопе (Рига) — об археологических раскопках в г. Риге, и И. А. Шакольского (Ленинград) — о древнейшем прошлом Таллина.

Два последних докладчика доказали на основании богатых археологических материалов, что и Рига и Таллин были основаны не в XIII в., как это утверждали представители прибалтийско-немецкой историографии, а значительно раньше, на четыре — пять столетий до немецкого вторжения.

Сессия продемонстрировала растущий интерес русских археологов к изучению археологии Прибалтики, а также решимость прибалтийских советских археологов критически пересмотреть все буржуазные археологические концепции и серьезно заняться изучением балтийско-славянских отношений. Следует отметить, что далеко не весь превосходный археологический материал осмысливается теоретически и используется в качестве исторического источника. Лучше всего в этом отношении обстоит дело у эстонских археологов, имеющих такого выдающегося руководителя, как проф. Х. А. Моора, однако и им предстоит еще много поработать для разрешения крупных историко-теоретических проблем с точки зрения марксистско-ленинской науки.

Участники сессии единодушно отметили ее плодотворность и единогласно приняли следующую резолюцию:

«Сессия, проведенная в Ленинграде с 10 по 14 мая, посвященная археологии прибалтийских республик, является первым опытом объединения разобщенных до сих пор сил ученых Эстонии, Латвии и Литвы и попыткой установить более тесные связи археологов Прибалтики с центральными археологическими учреждениями Москвы и Ленинграда.

Сессия отмечает, что доклады, прочитанные археологами прибалтийских республик, показали, что новый отряд советских археологов проделал общую работу по перестройке нашей науки на основе марксистско-ленинской теории. Характерной чертой заслушанных докладов явилось: 1) стремление поставить и решить на основе археологических источников важные исторические и историко-культурные вопросы; 2) попытка подвергнуть критике буржуазные теории, долго господствовавшие в археологии Прибалтики, и 3) стремление решительно перейти к изучению взаимосвязи культуры Прибалтики с культурой славянского мира, и русского народа в первую очередь.

Сессия отмечает, что эти достижения являются лишь началом большой работы по созданию подлинной марксистско-ленинской науки о древнейшем прошлом Прибалтики, и считает целесообразным выдвинуть ряд основных проблем ее археологического изучения, которыми необходимо руководствоваться при планировании научной рабо-

ты как археологическим учреждениям Прибалтики, так и учреждениям, изучающим смежные территории РСФСР и БССР.

Сессия считает необходимым начать археологическое изучение Калининградской области, прошлое которой систематически фальсифицировалось немецкой националистической наукой.

Сессия отмечает, что вся работа по созданию подлинной марксистско-ленинской истории Прибалтики предполагает систематическую критику буржуазных теорий, господствовавших в литературе по этим вопросам. Необходимо разоблачать классовую сущность буржуазной идеологии, ее служение капиталистическому обществу, как в откровенной, так и завуалированной форме. Это положение относится в первую очередь к вопросам периодизации древней истории Прибалтики.

Сессия считает желательным периодически проводить научные конференции, связанные с изучением археологии Прибалтики, созывая их в городах прибалтийских республик, Москве, Ленинграде и Минске. Следующую сессию созвать в г. Тарту в конце 1950 г.

Сессия рекомендует наряду с созывом периодических больших совещаний практиковать совещания более узкого характера, на которых подвергать обсуждению работы, связанные с прибалтийской тематикой.

Сессия считает необходимым, чтобы археологи Литвы, Латвии и Эстонии приняли участие в составлении больших коллективных обобщающих трудов ИИМК: «Всемирная история» и «История СССР».

Сессия считает целесообразным поставить перед Академией Наук СССР вопрос об организации при ИИМК комиссии по изучению археологии и истории культуры Прибалтики, в задачу которой входили бы взаимная информация о проводимых работах, организация совместных экспедиций, совместные издания трудов и подготовка научных конференций.

Сессия считает крайне необходимым скорейшее опубликование заслушанных докладов.

Сессия выражает уверенность, что тесное содружество археологов Эстонии, Латвии и Литвы с археологами РСФСР и БССР будет способствовать еще большему росту советской археологической науки во имя расцвета нашей культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, и явится новым свидетельством сталинской дружбы народов, укрепляющей мощь нашей Великой Родины на пути к построению коммунизма».

Г. Федоров